4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 9 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

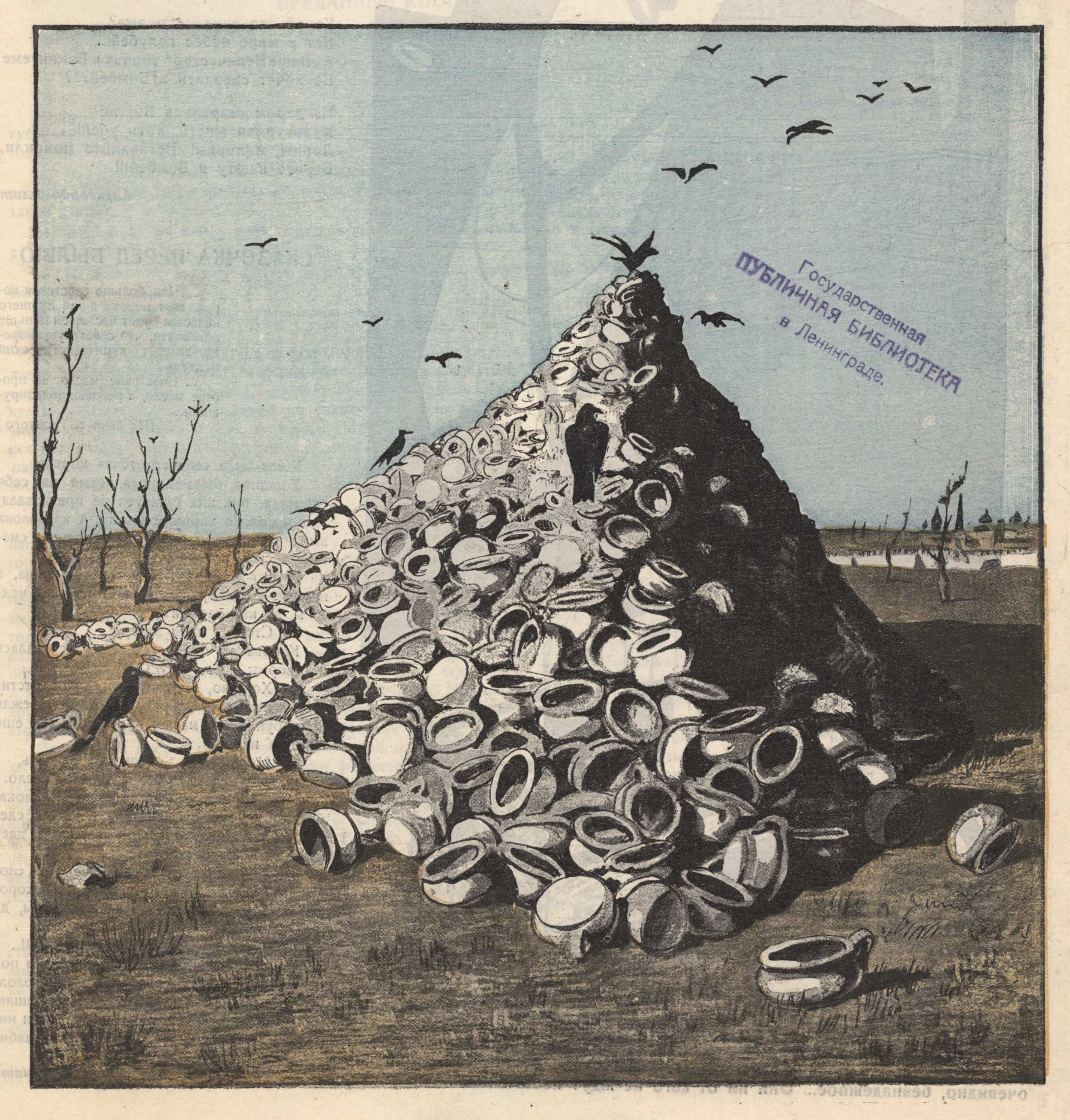
ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

МАРТ Ленинград, Просп. 25-го Октября 88. Телефон редакции и конторы 5-49-78. 1926 ГОД

ВОЛЬНАЯ ПЕРЕДЕЛКА ВЕРЕЩАГИНА

Для целевого импорта (т. е., такого, который побудил бы крестьян везти хлебные излишки в город) Госторгом закуплено в Вене 45.000 штук... ночных эмалированных горшков! (Из газет).

Рис. Б. Антоновского

АПОФЕОЗ ТОРГГЛУПОСТИ.

САМОЕ ДОСТОВЕРНОЕ

Рис. Л. Бродаты.

Радио-любители Америки получили возможность принимать радио-передачу из Москвы. (Из газет.)

— Тсс... Радио из Москвы... Вот, когда мы узнаем настоящую правду.... Ага!.. У них идет последний и решительный бой... Да-да.. И положение, очевидно, безнадежное... Они ни от кого не ждут избавленья...

ПРОСТИТУТКА БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ

Приехавший из Индии чл. раб. партии сообщил, что в Бомбее 900 проституток заключены в железные клетки, где они находятся под постоянным наблюдением английской полиции.

Надевши москитные сетки,
Самцы всех стран и пород
Хвосты загибают у клетки,
Неистово прут вперед.

Не каркайте зло, как воро́ны,
Не впадайте в бессильный раж:
Проституток Британской Короны
Блюдет полицейский страж!

Желтые... смуглые... шоколадные лица...
О, девушки теплых стран!
Какая могла б небылица
Такой заплести роман?!

Какой это снилось поэме?
Нет в мире небес голубей...
А „Ваше Величество“ торчит в Букингеме
Не хочет съездить в Бомбей???

Не даром старались Бокли:
Культурная жисть, хоть убей!
Лорды, милорды! Вставляйте монокли,
Берите каюту в Бомбей!!!

Александр Флит

СКАЗОЧКА ПЕРЕД БЫЛЬЮ

... Чем больше советская корова даст молока и чем лучшего качества будет масло, тем меньше опасности, что советскую корову задерет капиталистический медведь...

... Советское масло не простое масло, а революционизирующее...

(Из речи т. Троцкого.)

Жила-была себе советская корова.

Хорошая была корова, сама на себя работала, никаких буржуев не признавала, зато и молоко хорошее давала. А из молока этого разные там продукты делали: и сметану, и сыр, и масло.

И вот раз шла советская корова, а навстречу ей вдруг капиталистический медведь, да как зарычит:

— Стой! Я тебя задеру!..

Корова не очень так чтоб испугалась и говорит:

— Хорошо, гражданин капиталистический медведь, задирай, но только прежде попробуй моего масла, — такого ты еще никогда не едал.

— Ну, ладно, — говорит медведь, — давай, попробую, что это у тебя за масло.

Ну, корова сейчас туда-сюда: молока, молоко в сметану, сметану в масло, сделала на заграничный манер бутерброд и дает медведю: — Не угодно-ли?

Крякнул капиталистический медведь, слопал бутерброд с маслом от советской коровы да как подымется на задние лапы, да как зарычит:

„Вставай проклятьем заклейменный!..

Ну, тут сейчас советская корова его под ручку да в голос ему: „Весь мир голодных и рабов!“ — и вместях дальше пошли.

И медведь ревет, и корова ревет, и никто никого не дерет, так что и разбираться в этом некому.

В. Финити

Рис. А. Успенского.

За год пр даны суду за растраты, хищения и бесхозяйственность 14.00• кооперативных работников.

ПРЕДАННЫЕ КООПЕРАТОРЫ.

17-ая СТРОЧКА СВЕРХУ . . .

Андрей Иванович Черемнов считался самым умным на всю губернию, и каждый, даже самый наиответственнейший работник говорил:

— Вот, если б таких, как Андрей Иванович. да побольше, это да... Башковатый парень. Из Ленина и Маркса так и сыплет, так и сыплет...

И, действительно, скажу вам, граждане, трудно было спорить с такой личностью, как Андрей Иванович. Ты ему так, а он—

— Па-а-звольте, а вот у Ленина в 15 томе, глава 7-я, строка сверху 17-я, говорится...!

И крыть нечем... Молчишь и только шепчешь: „—Ах, да, совсем забыл, верно, ведь, верно...

Помню, однажды в бане зашел спор, могут ли коммунисты и члены профсоюза пользоваться парщиком или должны собственноручно мыться. Ну, спорили, спорили, целая дискуссия. Даже кто-то кого-то от злости шайкой по спине огрел. Но тут случись Андрей Иванович и всех успокоил. Потому, говорит, у Маркса в 3-м томе „Капитал“, 10-я строчка снизу стр. 435, сказано:— парщиками пользоваться членам РКП и профсоюзникам в эпоху НЕП‘а дозволительно.

И все замолкли. А уж как парщики были ему благодарны!

Или такой вот случай. Увлеклась жена одного ответственного нашего работника фотографией. То-есть у всех трех фотографов города по три раза на день снимается. И все в разных позах. То с телефонной трубкой, то с наганом, то с кошечкой, то верхом на лошади, а то просто нюхает цветок и вздыхает. А мечта жены этого работничка была, чтобы все витрины были заполнены только ее портретами. Тут-то и пошла разноголосица. И стали довольно открыто говорить, не есть ли этот поступок—мещанство, потому что и у других ответственных товарищей тоже есть жены и, может, тоже желают висеть в витринах. Опять спор. В каждом доме об этом до хрипоты беседовали. В местной газете даже об этом заметка появилась—„Надо с этим покончить“.

Правда, там писалось относительно того, что козы пожарного депо по утрам афиши съедают, но всем был понятен этот намек, так как „коза“ было прозвище этой самой особы. И, может, спорили бы до сих пор, если бы в это дело не вмешался Андрей Иванович. Он именно и сказал, что у Энгельса в книге „Быт и семья“ подобным случаям посвящена целая глава, где говорится, что можно фотографироваться неограниченное число раз и в каких угодно перспективах заполнять своей карточкой витрины“. Ясно, если Энгельс смотрит на это сквозь пальцы, так нам-то...

Но, благодаря этому случаю, и сам Андрей Иванович засыпался. Потому рассердились на него в доску остальные жены ответственных работников и стали натравливать своих мужей на Андрея Ивановича. Уймите его. Переспорьте его. Но никто из них не решался. И тогда появился Никита Эпштейн на выручку.

Выпил для храбрости и, поймав тов. Черемнова в одном солидном обществе, стал его всячески ущемлять и вызвал на турнир.

Андрей Иванович, конечно, спокойно режет:

— У Ильича на такой-то странице, такая-то строчка.

А Никита:

— Ничего подобного. Нет этого! Нет!

Ахнули все и глядят на Никиту, как на последнего гада, а на Андрея Ивановича, как на всесильного героя. А тов. Черемнов говорит ко всеобщему удивлению тихо и спокойно:

— Возможно, и в самом деле нет. Не спорю. А мне некогда. Прощайте.

Глянули все на Андрея Ивановича как на последнего гада, а на Никиту, как на всесильного героя. Андрей Иванович на другой день уехал. Говорит:

— Нечего мне здесь околачиваться. Много городов в дорогой нашей республике. На мой век хватит.

И с тех пор чемпионом в нашем городе считается Никита Эпштейн. И ходит он Пушкиным, и глядит на всех уничтожающим взглядом. И все споры разрешает он. И как разрешает:

— Что за чушь. Совестно на 9 год революции не знать, что у Ленина в 9 томе на стр. 15, 8 строчка сверху—об этом ясно сказано .

И приходится только извиниться и шептать:

— Ах, верно, ведь, совсем забыл, совсем забыл.

Б. Левин.

ОТ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ

(Стихотворение с моралью)

Эх, в Америке—культура, что ты там ни говори!
Автоматы-машинистки! фельдшера! секретари!
Дашь приказ по автоматам... „Сей минут! Готово, сэр.“
Но—явился некий гений и у нас в СССР.
Так, механик незаметный... А талантами—орел!
Он кассира-автомата самосильно изобрел.
Интервью! Статьи! Реклама! Загудело все окрест!
Изобретенье немедля закупил какой-то трест.
И совсем пошли другие колорит и аромат—
С той поры, как сел за кассу бескорыстный автомат.
Не зудят соблазны в уши: не пугайся-мол, растрать!
Быстрота! И даже сдачу нет причины проверять!
За спиной его работай, хоть гляделки завязав...

Минул год. Кассир в порядке. Но зато—растратил зав.

А. д'Актиль.

В ЭРМИТАЖЕ

— Вот, граждане экскурсанты, чудная картина Айвазовского! Дата 1860 год.

— Ишь черти! Нет того, чтобы экскурсанту какую, нибудь новую картину с Мэри Пикфорд или с Гарри Пиллем показать! Все старую заваль де онстрируют...

Рис. Н. Радлова

— Опять ты, Степан, в Лондон заехал! Который раз прошу: дай ты мне Тангейзера в Берлине дослушать!"

„ЭДИССОНЫ"

Какой-то профессор обиделся и написал в газетах письмо,—как у нас не ценят изобретателей,—даже изобретать ничего не хочется! Изобретешь, например, какой-нибудь винтик к машине, а потом путаешься с ним по учреждениям, от стола к столу ходишь, подметки треплешь. Пока не забросишь этого винтика к чорту и не пойдешь в пивную.

А, между тем, изобретают у нас очень много. Говорят, даже в год несколько тысяч изобретателей регистрируется. Напрасно профессор обижается.

Портреты некоторых изобретателей в газетах печатаются,—хоть и не похоже, а все таки лестно. Вот и изобретают.

По учреждениям бродят толпы изобретателей, мешают барышням писать на машинках и все спрашивают:

— Вы не знаете, где мне здесь заявить мое изобретение?

Одного спросили:

— А вы что изобрели?

Со стыдливой гордостью он ответил:

— Стул!

— То-есть, как же это стул?—удивилась барышня.—Ведь стулья уже изобретены?

— Я изобрел стул на пяти ножках!

Этого барышня не ожидала. Она растерялась. Но, оправившись, спросила:

— А.. а для чего же эта... пятая ножка?

Теперь уже растерялся изобретатель. Видимо, он сам еще не решил этого вопроса—зачем стулу пятая ножка?—и теперь мучительно думал. Дело же было в том, что стул на 4-х ножках уже был кем-то изобретен, а чтобы на 5-ти ножках—этого еще никто не догадался изобрести—ну, вот он и изобрел...

Пока он страдал, придумывая, что ответить барышне, какая-то старушка (она изобрела новый способ стирки носовых платков) пришла ему на помощь.

— На пяти-то ножках стул будет прочнее, милая, чем на четырех!—сказала она наставительно барышне.

Изобретатель ухватился за это.

— Конечно!—пожал он плечами, с презрением к наивности этой любопытной девушки.—Он будет устойчивее, да и, наконец, если сломается одна ножка—стул всё таки не упадет!

Эта барышня мне сама все это и рассказала. Она, бедненькая, была сбита с толку, загипнотизирована простотой идеи и дома все смотрела на ножки столов, стульев и кроватей. А утром вдруг сказала своей матери:

— Мама, а что если стаканы делать на ножке?

— Тогда это будет бокал!—резонно ответила мать.

Девушка расплакалась, и кризис миновал. Больше она уже ничего не изобретала.

Должен признаться, что, наслушавшись разговоров об изобретателях, я сам даже начал изобретать. Я решил, что, как журналист, я должен изобрести что-нибудь литературное. Ну, например, слово. Я знавал одного человека, который уверил всех, что это он изобрел слово „позавчера". Его даже по этому случаю чествовали обедом, и в какой-то армавирской газете напечатали его портрет.

А я изобрету слово: „преднакануне".

Слово очень необходимое. Например, вы пишете в романе:

— „Ольга, накануне я еще не знал, что убью себя!"

А Ольга захочет узнать, что же было перед тем? Не спрашивать же так:

— „Виталий, а что было накануне того накануне?"

И вот выход найден—преднакануне!

Когда дома узнали, что я изобрел, то все стали изобретать. Эпидемия изобретательства охватила все семейство, даже 6-летнюю Зиночку.

— Папа, я изобрел лошадь без хвоста! Ведь игрушечной лошади зачем же хвост? Это будет дешевле и она им не махает!—кричал один.

— Я изобрел щипцы для завода часов! Просто из маминой шпильки!—прибегал другой.

Даже жена изобрела—чтобы штанишки держались на одной пуговице. Няня Дуня изобрела способ ставить самовар—без трубы и без углей. А дядя Сеня изобрел какую-то мудреную закорючку к подтяжкам.

— Зачем же она?—спросила жена.

— Просто для красоты!—объяснил дядя Сеня.

Одна только бабушка не поддалась общему настроению и угрюмо слушала наши проекты.

— Грех это!—сурово говорила она нам и не верила, что паровоз и трамвай также были когда-то изобретены.

Ложась спать, я все еще не мог успокоиться и продолжал изобретать, и долго не засыпал. Во втором часу ночи в дверь моей комнаты кто-то постучал.

— Кто там?

— Это-я,—зашептал голос бабушки,—слушай, я тоже изобрела! Знаешь, одно слово: *кофеепитие*!

— Что?!

— Кофеепитие! Как, знаешь, говорят: чаепитие? Ну вот, а я изобрела кофеепитье! Это можно?

Я сказал, что можно, и она ушла...

...Когда я гляжу на улице в глаза задумавшегося человека, я спрашиваю себя:

— Что-то он сейчас, бедняга, изобретает?

Э. Гард

Рис. В. Лебедева

НА ОКРАИНЕ ГДЕ-ТО ГОРОДА

— А Митька-то... шикарно одеваться стал!
— Ну?
— Да. Вон даже на кепке пуговица пришита.

КВАЛИФИКАЦИЯ

Рис. Б. Антоновского

Вследствие разногласий среди художников и постоянной смены программ, преподавание в Академии Художеств еще далеко не наладилось.

— Кто тебя учил рисовать?
— Никто: я кончил Академию Художеств.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ТОЛСТОВКИ

Я писал стихи и прозу
И лелеял сладко грезу
Сшить толстовку и пальто.
Но меня на свой прожектор
Взял любезный фининспектор
И воскликнул: „—Это что?
Производите вы рифмы?
Сей коммерческий порыв мы
В обложенье взять должны!
С пеней, штрафом, с основными!.."
И исчезли в фино-дыме
И толстовка и штаны...

Скиталец

С ПОПРАВКОЙ

— Дети, брат, цветы жизни.
— Да. А алименты—ягодки.

ЗЛО

— Верно говорит пословица: не рой другому яму, сам в нее попадешь.

— А что?

— Вон Павлухин—поступил в могильщики и помер.

ИЗ ДЕЛЕГАТСКИХ РАЗГОВОРОВ

— Знаешь, Ваня, в моем отделе невозможно вести культурно-просветительную работу.

— Неужели у тебя все безграмотные?

— Нет, наоборот, все с высшим образованием...

НЕУДАЧНИК

— Чего у почтового ящика, Вася, околачиваешься?

— Послал стишок в журнал. Ну, а ответ, грит, ждите в почтовом ящике... Вот и жду...

РАЗВОД

— За что тебя судят-то?

— За то, что я только руками разводил!

— То-ись, как?

— А вот, когда я буфетчиком был, водку своими собственными руками разводил.

„БОЛЬНОЙ ВОПРОС"

Ученый лектор на эстраде,
Вооружив очками нос,
Спасенья юношества ради
Трактует „половой вопрос".
Глядит докладчик близорукий
На полный зал поверх очков.
И в представителя науки
Впились две тысячи зрачков.
Цитаты, цифры и итоги.
Потом без устали, подряд,—
Врачи, юристы, педагоги
На ту же тему говорят.
На хорах (больше, чем в партере)
Недоумение и спор:
„Воздерживаться" в полной мере
Или до некоторых пор.
Агрономичке непреклонной
Технолог новую мораль
Внедрить стремится за колонной
И „комментирует деталь."
И, воспаленная от спора,
Выходит юность на мороз
Решать „практически" и скоро
„Теоретический" вопрос.

Дм. Цензор

НАШ ПРИЯТЕЛЬ КРЫСАКОВ

Иллюстрации Б. Антоновского *Посв. А. Р.*

Рассеянность и забывчивость—в той мере, в какой оба эти качества вложены в натуру Крысакова—уже нельзя назвать несчастьем. Нет! Это, положительно, талант, который дается одному из сотни людей.

Если собрать и описать все истории, случившиеся с Крысаковым, благодаря его гениальной рассеянности,—получился бы объемистый труд, в десяти томах, которые можно было бы издать, объявив предварительную подписку и льготы для служащих.

Это о Крысакове рассказывают, что однажды, идя с приятелем, он толкнул его в бок и указал на встретившуюся симпатичную брюнетку:

— А бабенция ничего! Не вредно познакомиться-бы!

— Послушай!—вскричал приятель: Но ведь это твоя жена!

— Не может быть?! А и впрямь жена! Фу, чорт, забыл совсем! Я и то смотрю, что будто лицо знакомое! Ха-ха-ха!

И он закачался в припадке добродушного искренне-радостного смеха.

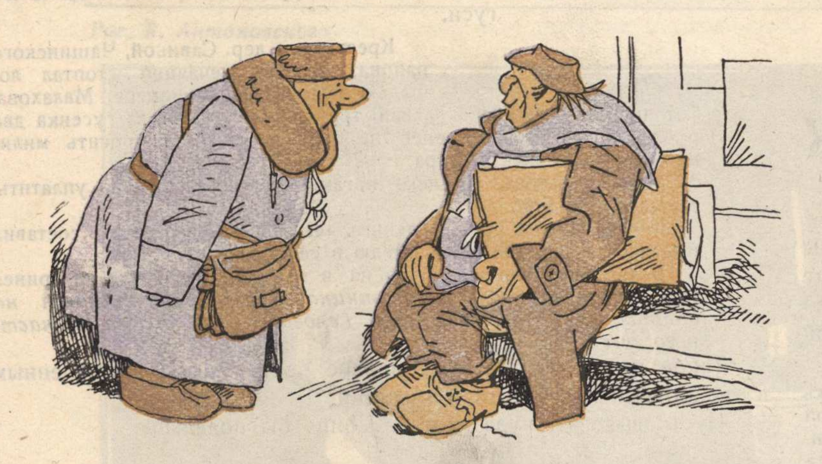
Это Крысаков, устроив свою грузную фигуру в трамвае и тотчас позабыв, что едет с одного конца проспекта на другой, благополучно просидел до Гавани и только там, на краю города, спросил кондуктора:

— Послушайте, милый, а когда же будет станция Любань? Ужасно пива хочу!

И потом зычно хохотал на всю Гавань:

— Мрак! А я думал, что в Москву еду!

Мне, пишущему эти строки, он однажды позвонил по телефону:—Милый, не знаете номер моего телефона? Звоню из пивной. Жена, понимаете, послала купить, а что купить—мрак! хоть убейте, не помню.

— Послушайте, милый, а когда же будет станция Любань? Ужасно пива хочу!

И вот с этим самым Крысаковым произошел недавно случай.

Началось с папиросы, сунув которую в рот (движение машинальное и не требующее внимания), Крысаков полез в карман за спичками. Спички, разумеется, были забыты дома. Отсюда у Крысакова возникло намерение прикурить у какого нибудь встречного курильщика.

Дело происходило на улице.

Дальше факты следовали в таком порядке: сначала он с незакуренной папиросой прошел три квартала, забывая обратиться к прохожему за огоньком; затем машинально швырнул папиросу на панель и уже после того любезно загородил дорогу гражданину с „делом“ под-мышкой и, протягивая губы сказал:

— Разрешите прикурить.

Гражданин с недоумением поглядел на рот, в котором не было и намека на папиросу, и неожиданно любезно улыбнулся.

— А! Это вы, товарищ... Крысаков. Очень рад вас встретить. Пожалуйста, курите.

С этими словами гражданин предупредительно протянул портсигар.

Исключительно благодаря рассеянности, Крысаков не выразил на сей раз никакого удивления своей оплошности и, закурив, сказал очень просто, как будто это было в порядке вещей:

— Спасибо, милый.

Дальше последовал такой диалог.

Гражданин: Ну, как вы? Что-же вас не видно?

Крысаков: (добродушно вглядываясь и припоминая—„Кто бы это мог быть? Лицо знакомое... Мрак!“) Спасибо, милый. Ничего. Кручусь. А вы как? (Подмигивающий взгляд на портфель) Делишки все?

Гражданин: Да, дела.

Крысаков: (откусывая кончик папиросы и сплевывая на шляпу случайной гражданки) Там же? На старом месте?

Гражданин: Разумеется. А вы до сих пор не зайдете! Давно пора.

Крысаков: Спасибо, милый. Как же, собираюсь, да все, знаете, как-то некогда. Занят, милый, по горло. Мрак! („Кто же это, однако? Чорт его знает!“ И с оттенком добродушной обиды, слегка похлопывая незнакомца по плечу) Да и вы тоже хороши: не можете забежать к старику! Ну, да! конечно! Дела! Знаем мы эти штучки! И все это ерунда: взяли бы да и зашли. Пиво всегда готово.

Гражданин с недоумением поглядел на рот, в котором не было и намека на папиросу, и неожиданно любезно улыбнулся.

Гражданин: (изумленно молчит).

Крысаков: Милый, уж если мы встретились, неужли разойдемся? Айда в погребок.

Гражданин: Нет, благодарю. Мне совершенно некогда...

Крысаков: Да ну-же! Бросьте эти дурацкие дела! Мрак! Идем и никаких! Вот кстати и кабачек!

Гражданин: Куда же вы в аптеку?

Крысаков: Ну?!! Неужели аптека? Ну, не хотите, не надо. В другой раз. Прощайте, милый.

Гражданин; А вы все-таки зашли бы ко мне.

Крысаков: Непременно, непременно, милый. Не обещаю скоро—я занят, как вол. Уж лучше, знаете, вы ко мне. Как нибудь. Адресок тот же: Эриванская, шесть, квартира номер... номер... Одним словом, на самом верху, направо.

Гражданин: Помню. Я же у вас был. А вот вы, небось, мой адрес забыли.

Крысаков: (с детской простотой) Забыл, милый. Представьте! Сейчас запишу... Впрочем, книжка дома. Я и так запомню.

Гражданин: Пожалуйста: Екатерининский канал, № 32, фининспектор 9-го участка, комната 38-я. От часа до трех. И не позже, чем завтра.

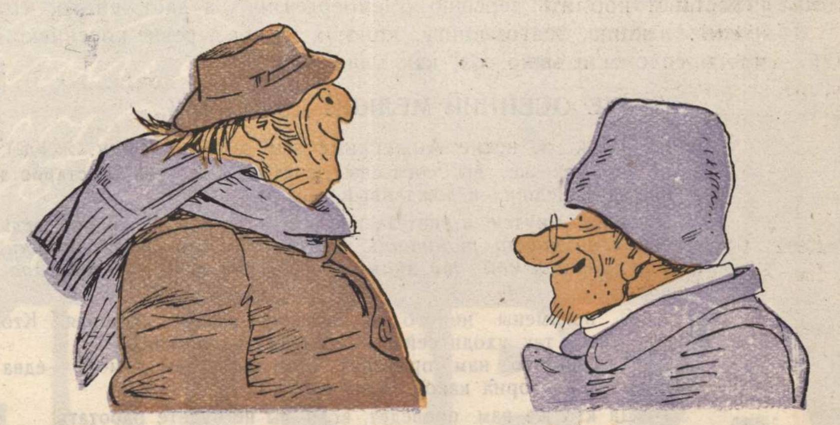
* * *

Остается упомянуть, что по рассеянности Крысаков после описанной встречи не заходит к фининспектору вот уже четыре месяца.

Штраф растет.

Мрак!..

Иван Прутков

Пожалуйста: Екатерининский канал, № 32, фининспектор 9-го участка, комната 38-я. От часу до трех. И не позже, чем завтра.

В СТРАНЕ ПРАВОСУДИЯ

В Лондоне существует суд над животными. Собаку Боба защищал лучший адвокат Лондона... (Н. В. Г. № 17.)

Рис. Л. Бродаты

Последнее слово подсудимого

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

КОМСОМОЛЬСКАЯ БОЛЯЧКА

Называется эта болезнь—„Яровуха“, болеют ей комсомольцы и комсомолки севера, болезнь пагубно отражается на культработе и большею частью приводит к искам об алиментах. О „Яровухе“ повествует сознательный селькор Лесная Шпилька в Архангельской газете „Волна“:

У нас в бывшей Наволоцкой волости, Онежского у., молодежь на вечеринки ходит только затем, чтобы повидаться с любимой девушкой. Не обходятся эти вечеринки и без худых сторон. Вместо того, чтобы сидеть всем вместе и веселиться, у нас ребята с девушками парочками расходятся по разным комнатам. Не обходится дело и без соломы Девушки покупают избу для вечерки на целую зиму и по пути выговаривают с хозяина по снопу соломы в вечер для этих парочек. Этими снопами соломы девушки и распоряжаются. Такое явление у нас уже привилось всем. Девушки, нисколько не стесняясь, уходят со своими ребятами в другую комнату, сами приносят солому и т. п. Видя это, публика без всякого стеснения приговаривает: „Ванька с Манькой на яровуху уехал“.

Эта „яровуха“ захватила часть и комсомольцев, хотя они знают, что *это вред, старая привычка.* Многие из них даже не посещают занятий в ячейке, а уходят на такие вечерки.

Лесная Шпилька.

Недаром говорят: „сила солому ломит“—сломит сила культурной, настойчивой работы комсомолью солому, если город перестанет кормить деревню „Чемберленами“, а даст ей то, что нужно: лекцию, театр, книгу, кино; а пока в деревне российской много соломы и мало, ох, как мало, книг!..

НЕ ОСЕННИЙ МЕЛКИЙ ДОЖДИЧЕК...

Сценка на ж. д. ветке Анжерских кам. копей (Томск. ж. д.):

— Ну, как же, вы согласны? спрашивал артельный староста рабочих, вышедших в дождливый день на работу.

Рабочие мнутся и не знают, что ответить. В голове ведь мысли: *если пойти работать, значит, промокнуть до нитки, а если пойти домой—то, значит, потерять свой дневной заработок.*

— С полсмены никого не отпущу—работа спешная. Кто хочет уйти, так уходи сейчас—продолжает староста.

— А смену-то нам проведут, если мы уйдем домой?—едва слышно проговорил какой то из рабочих.

— Да кто же вам проведет, если вы не будете работать!

— Ну, тогда дайте нам спецодежду. Разве можно на таком дожде проработать 8 часов? Ведь мы уж сотый раз вам говорили.

— Ну, раз так, то идите домой,—и артельный скрылся.

Одним словом: *не осенний мелкий дождичек, а... спецодежда.*

И все на Анжерке есть—и уголь есть, и железная дорога есть, и администрация железнодорожная имеется,—одна беда: *рабочих крыть нечем, а начальство как ни крой—спецодежды не выкроишь!*

ЕЩЕ О ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОСТАНОВКАХ В ПРОВИНЦИИ

На фабрике „Кр. Профинтерна“ в с. Тазино, Ив.-Вознес. губ. в драмсекции клуба был поставлен спектакль. „Раб. Край“ пишет о режиссере и герое спектакля.

Руководитель на постановке был пьян. По роли нужно ему было читать письмо, так он взял большой лист оберточной бумаги (в зале хохот). Газету также не мог отличить от оберточной бумаги.

Заплетающимся языком выговаривает он еле-еле несколько раз кряду одно и то же, ни к селу, ни к городу.

— А ну вас к чорту, оставьте меня в покое!

Со сцены уходит, держась за декорации.

Разве это *постановка,* если даже главный режиссер на ногах не держится?

Неудивительно, что зрители валом валят в пивную, где и изживают свои оскорбленные чувства.

КУРГАНСКИЙ ГУСЬ

Город Курган с округом издавна славится маслом. Оказывается, попадаются в Курганском округе и хорошие лапчатые гуси.

Крестьянин дер. Савиной, Чашинского района, Мурзин нечаянно стоптал лошадью гусенка милиционера Малахова. Тот поймал мужика и давай требовать с него за гусенка два рубля. Но у Мурзина денег не было, и он стал просить милиционера подождать до утра.

Малахов затопал на него ногами и приказал срочно уплатить, стращая тюрьмой.

Когда Мурзин принес деньги, он закричал на него, составил протокол и передал следователю в село Белозерское.

В нем он обвинял Мурзина в том, что будто бы он принес ему взятку. *И вот крестьянина четыре дня таскают на допросы за 70 верст в село Белозерское. И все за несчастного гусенка.*

Такой гусь, как Малахов вполне достоен быть включенным в экспортный план местной милиции.

Пусть вывозят, куда хотят. Лишь бы подальше.

ПУГАНЫЕ КОТИКИ

Рис. Н. Г

Наряжена экспедиция для выяснения месторождений и охраны выхухоля (Из хроники)

— Соня, прячь пальто!

Рис. Б. Антоновского

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД

Рис. А. У

— ...Сейчас пойдет „Второй—бис"...
— Вот везде теперь с этими бисами борются, а здесь на линии еще остались.. Порядка!..

БЛИЗОРУКИЙ ЧЕЛОВЕК

В связи со стекольным голодом, в Ленинграде началось хищение стекла из рам пустующих помещений и даже парадных. (Из Газет)

Рис. Б. Малаховского

— Чорт возьми! Стекла из очков сперли... Очевидно, в связи со стекольным голодом!

ДВА РОМАНА

— Что это у вас в газете все политика и быт, быт и политика. Надоело, право!

Редактор „Красного Булочника“ Клягин выслушал замечание своей знакомой и задумался.

— Гм! А вы, пожалуй, правы. Небольшой роман подвалом внесет разнообразие в газету. Кстати, начинающих беллетристов поощрю. Спасибо за совет!

В тот-же день Клягин заказал двум начинающим два коротеньких романа—„на подвальчик“. К сожалению, редактор упустил из виду одну человеческую слабость. В результате, советская барышня Леля Шоколадова написала роман из жизни крестьян, а булочник Егор Кашин—из жизни русской аристократии в эмиграции.

Вот эти произведения.

СКОМПРОМЕТИРОВАННАЯ КОРОВНИЦА

Роман из сельского быта Лели Шоколадовой

Безлошадный крестьянин Жан Монпансье из Тульской губернии, Тамбовского уезда закончил свой педикюр, после чего закурил деревенскую сигару из цветной капусты и задумчиво произнес на простонародном наречии:

— Ах, мон дье! Если шер Вавила сегодня не пришлет мне сивого мерина, я не смогу отправиться верхом на журфикс к попу, где я должен встретиться с очаровательной коровницей Зизи!

В это время вошел лакей в лаптях из простого шевро, в заплатанном фраке, и доложил:

— Крестьянка Софи с хлебокоса!

— Проси!—коротко бросил Жан Монпансье, поправляя свой крестьянской галстук.

В некрасивую сельскую гостиную вошла молодая крестьянка, в старомодном платье со шлейфом, и с реверансом перекрестилась на образ. В одной руке она держала довольно неизящный плуг, а в другой грабли, которыми загоняла в амбар коров. Перед этим она успела выдоить в подойник две вазы сметаны.

— Простите, мон шер,—начала крестьянка Софи,—что я врываюсь к вам так поздно. Я только что с поля, где целое утро косила булки.

— Мерси, но каков нынче урожай?—спросил Монпасье, предлагая гостье присесть на печке.

— Не до урожая мне!—перебила Софи.—Мне кузен Гаврила Тюльпанский открыл, что вы назначили рандеву на поповском журфиксе коровнице Зизи. Но я этого не допущу!

Мозолистые глаза безлошадного крестьянина сверкнули.

— Я вам не обязан давать отчета в своих чувствах. Но клянусь вы ошиблись!

— Не лгите, милостивый государь!—крикнула Софи.—Вот доказательство!

И она своей мозолистой ручкой бросила в его мозолистое лицо любовную записку.

Не успел изменник возразить, как открылась дверь и вошли два местных парня—Вово Безухий и Коко Бодай-корова.

— Пардон!—произнесли они, перекрестившись.—По поручению жениха известной вам особы, которую вы скомпрометировали приглашением на рандеву в коровнике, просим вас прислать своих секундантов. Место дуэли—роща Корявый Лапоть.

— Вызов принимаю и тае... секундантов пришлю!—ответил гордо Жан Монпасье.

Секунданты с простым сельским книксеном удалились. Крестьянка Софи дико вскрикнула и без чувств упала с печки на простой паркетный пол. Жан дико захохотал...

ГРАФЬЕВА ЛЮБОВЬ

Роман из аристократичного заграничного житья Егора Кашина.

Граф Акакий Сидорыч Перепенко подкатил в шикарном трамвае к дому баронессы Матрены Сысоевны фон-Галушка. Луская дорогие заграничные семячки, он вошел и спросил:

— Баронесса дома или где шлендрает?

— Они в баню ушодши!—ответил лакей, весь в бакенбардах.—Подождите в их бюваре.

Граф свернул из лучшей парижской махорки собачью ножку и вошел в баронессину комнату, блистая дорогими калошами. Его аристократичные сапоги со скрипом были смазаны лучшим парижеским дегтем и нежно благоухали. От скуки граф взял баронессину балалайку и заиграл испанский романец: „Чудный месяц плывет над рекою“.

В это время раздался шикарный звонок и вошла баронесса. На ей было заграничное платье из лучшего коленкора с дорогим повойником на голове. В правой руке она держала дорогую мочалку с енкрустациями, а в левой дорогой банный веник.

— С легким паром, баронесс—поздоровался граф.

— Мерсите вас с бонжуром!—ответила баронесса по-французски.—Ах, я устамши, как кобыла, и с утра не емши, не пимши. А посему прошу вас на файвоклек: сейчас нам подадут заграничные щи с парижским салом. Лопать будете, граф?

— Вы только все щами увлекаетесь!—крикнул он.—А меня, как воблу своим холодным неглиже сушите! Бросьте своего супруга барона Тараса фон-Галушку и полюбите меня.

— А дулю не хотите?—ответила баронесса-кокетка и поднесла к его высокопоставленному носу аристократический кукиш с енкрустациями.

— Вот как?!—гордо рявкнул граф.—Так я проучу тебя!

И он протянул свою руку к баронессиным волосьям, смазанным заграничной помадой „Я был лысым“. Но баронесса, будучи нежного воспитания, не обожала потасовки, а потому схватила драгоценный ухват с енкрустациями и сказал по-английски:

— Сунься только, граф! Так и огрею по сопатке!..

Графьево сердце не дрогнуло. Он схватил баронессу в свои заграничные объятья и стал целовать ее во все аристократические места. Она заголосила по-французски:

— Батюшки, ратуйте! Карраул!!!

Вдруг шикарно открылась дверь и вошел сам баронессин супруг. Он схватил дорогое заграничное полено и дерябнул коварного обольстителя по его роскошной башке.

Граф шикарно бухнул на пол и из его аристократического носа потекла голубая кровь...

Д. Долев

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Наш век—век быстрого технического прогресса.

Поэтому нет ничего удивительного, если среди обычных тараканов появляется радио-таракан.

Пишет некий радио-заяц:

„Присобачив радио-приемник, слушаю Ленинград и Москву, и вот, что мне бросилось в уши:

Опера „Пиковая Дама", как известно, заканчивается молитвой, которую поют над заколовшимся Германом. Однако-же, в то время, как Москва подает радио-слушателю оперу с молитвой, Ленинград молитву выбросил.

Не слышал, к сожалению, „Демона" в Ленинградской передаче. Как идет „Демон"? С Демоном или без?

Полагаем, что «Демон» идет без Демона, каковой есть религиозный дурман.

А впрочем, чорт его знает?!

* * *

Вечерняя Красная *в* № от 5 февраля в статье «Роман современной Германии» пишет:

Можно было бы значительно увеличить число авторов и произведений, отражающих все многочисленные стороны современной жизни Германии, зализывающей свои раны шершавым языком суровой необходимости исторического дня, остановим, однако, наше внимание на большом полотне и т. д.

Насчет „шершавого языка" замечено верно. Что же касается «увеличения числа авторов», то вопрос этот для Германии, страны с пониженной рождаемостью — сложен. Проще он решается для самой „Вечерней Красной", которая кстати сообщает:

— Состоялся выпуск 1.300 неграмотных.

Кое-кто из выпущенных, повидимому, уже работает в редакции.

* * *

«Рабочая газета» (29) устами некоего Озерского сообщает о внезапном потеплении. Оно бывает в те минуты, когда Ленинградские рабочие расходятся с фабрик. Действительно:

В вечерний час, когда в сизом морозе звонко поют фабричные гудки, из заводских ворот черными толпищами идут рабочие. Идут тяжело и грузно, и чернеют улицы от их шага, и теплеет мороз.

„И мороз теплеет!.." Не верится что то. А вот, от таких трескучих фраз, нас действительно трескучий мороз по коже дерет!..

* * *

„Огонек" (6) немного запутался с географией.

Под снимком Мэри Пикфорд и Анны Павловой он пишет:

На снимке две „звезды" артистического мира—кино-актриса Мэри Пикфорд и русская балерина Анна Павлова в киноателье *в Холливуде* (*Англия*) в ожидании выхода... перед съемочным аппаратом.

Холливуд, как известно, находится в Америке, а не в Англии. Правда, кино — дело темное: недаром сеансы в темноте дают, но географию всетаки помнить рекомендуется. „Это тебе, брат, не Англия"—сказал как-то А. П. Чехов.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА"

Адрес для литературной корреспонденции—Ленинград, Пр. 25-го Октября, 88. Рукописи, непринятые к печати, редакцией не сохраняются.

10. *Ленинград, Я. Я.* „Застряла кринка на бабьей голове, а молоко потекло вниз по матушке по бабе, заражая несвежей помесью свежевыпавший снег. ... Эффект получился достойный кисти Маяковского".

Так чего же вы беретесь за чужие эффекты?!

11. *Пенза, Илье !.* В вашей „сценке в одном действии" своеобразное представление о московских театрах:

„Действие происходит в одном из московских театров. Сцена представляет комнату, разделенную перегородкой пополам. *В одной половине вход в театр и вешалка. В другой фое*(!) Толпа людей ожидает спектакаля(!)".

На самом деле, не так. По случаю жилкризиса, все происходит в корзине: тут и шубы висят, и толпа людей ожидает спектакля.

И ваша сценка тут же, в корзине.

12. *Москва, Рене.* Пародия на Маяковского, „Ошарашенное пузо", длинна и мало чем отличается от его оригинальных стихов.

Боимся, что за свои примет.

НЕПРОШЕННЫЙ СОВЕТ

По прочтении корреспонденции из Петрозаводска.

Я сидел и думал как-то:
— Жизнь блудница! Рок злодей!
Что поделать? Нет контакта—
Связи быта и идей!

Пьянство. Буйство. Драки. Раны.
Деготь. Решка и орел...
Хулиганы! Хулиганы!
Кто их только изобрел?

Поглядишь: исчадья ада!
Чтобы их умерить прыть—
Что нам можно, что нам надо,
Что нам следует открыть?

Клубы? Лекции? Приюты?
Школы? Зрелища? Кино?
Знать-бы только—в полминуты
Дело было-б решено!

Чтобы зло изжить со света—
Что открыть нам? Вот вопрос!
И в душе моей на это
Тихий голос произнес:

— „С хулиганством надо круто!
Ах, избавит вас от них—
Не *открытие* приютов
А *закрытие* пивных!"

— Что? Пивных?! Да ты рехнулся!—
Я взревел, как некий волк...

Голос робко поперхнулся
И сконфуженно умолк.

А. д'Актиль

МИЛИЦЕЙСКОЕ ОБХОЖДЕНИЕ

Рис. Б. Антоновского

Младшим чинам милиции предоставлен свободный день в неделю. (Из газет).

— С вами, Марь-Сидоровна, при вашей плепорции, я, можно сказать,— в свободный день при полной нагрузке-с...

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит № 9.707. Типография „Инвалид Печатник", Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж. 70.000 экз.

НОВОЕ В МЕДИЦИНЕ

В Ленинградск. у. обнаружен кустарь-лудильщик, делавший аборты проволокой.
(Из газет)

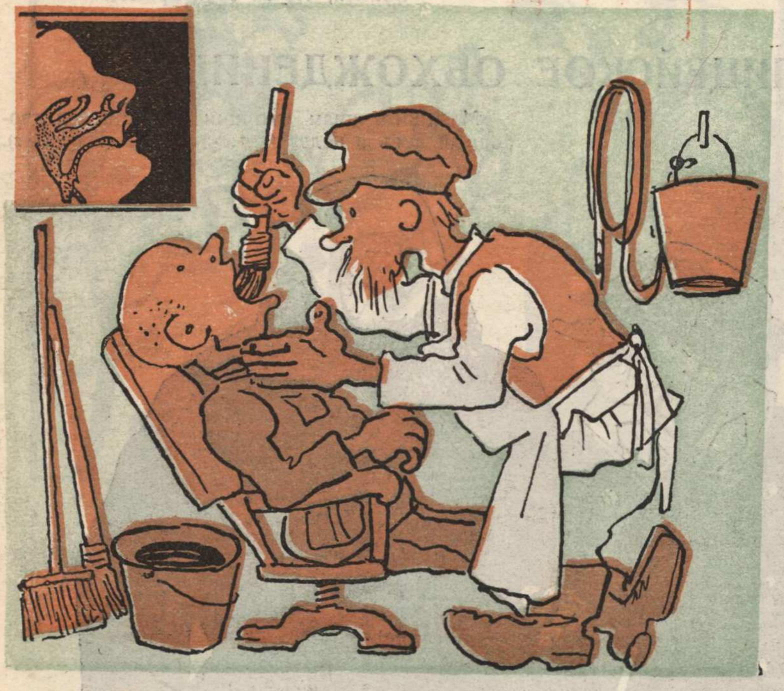
Рис. Н. Радлова.

1. Насчет аборта—кустарь-лудильщик. Хорошо-с!

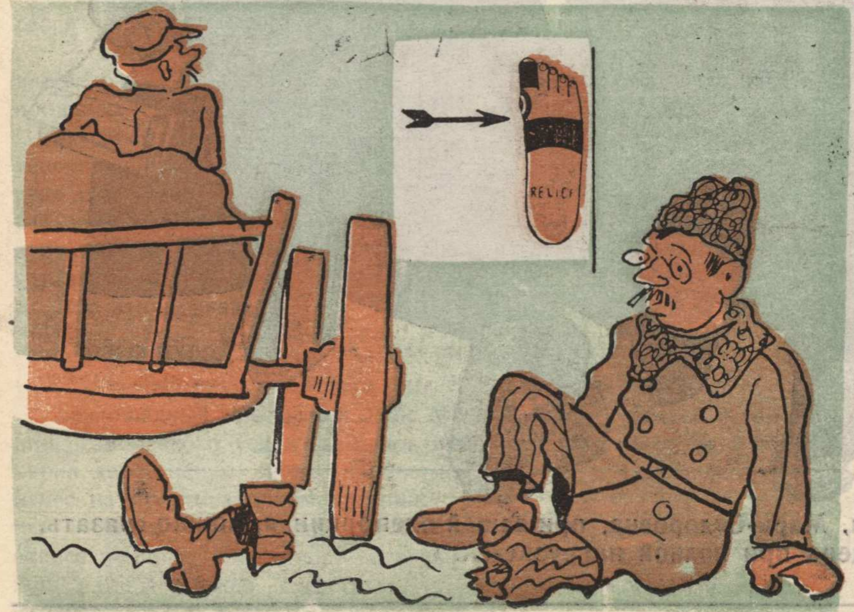
2. Ну, в таком разе для промывания уха—нет лучше пожарника.

3. А ежели горло смазать... Господи-ж! Так на что-ж существуют маляры?

4. Опять-же первое дело для трубочиста—удаление веснушек.

5. Что касаемо срезания мозолей, не будем разъяснять: картинка говорит сама за себя.

6. А врач... Что-ж? И безработному врачу дело найдется. Дела у нас в Эс-эс-эс-эре много.